

<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-4-374-395>
<https://elibrary.ru/OWHWQG>
Научная статья
УДК 821.161.1.09"19"

© 2025. Г. Н. Ковалева
Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

**«Се жених грядет...»: исторические источники записей
Л. Н. Толстого о Феофане Прокоповиче
в материалах к <Роману из времени Петра I>**

Аннотация: В статье рассматриваются записи Л. Н. Толстого о Феофане Прокоповиче из состава подготовительных материалов к незавершенному <Роману из времени Петра I> и исторические источники этих записей, установленные П. С. Поповым. Выявленные исторические источники интересующих нас записей позволяют уяснить смысл лаконичных выписок Толстого о Ф. Прокоповиче из фундаментальных исторических трудов, обогатить и расширить представления о замысле незавершенного петровского романа, его реально-исторической основе, круге действующих лиц, выяснить, какие конкретные события из жизни и деятельности архиерея писатель намеревался вовлечь в действие романа. Благодаря найденным источникам появляется возможность высказать предположения о путях и способах трансформации Толстым реальных фактов из жизни Ф. Прокоповича в факты художественные. Сопоставление записей Толстого с текстами фактических источников позволяет обнаружить следы творческой работы писателя с документальными материалами.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой; <Роман из времени Петра I>; подготовительные материалы, конспективные записи, исторические источники, Феофан Прокопович, Д. Н. Бантыш-Каменский, С. М. Соловьев, П. С. Попов.

Информация об авторе: Галина Николаевна Ковалева, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-9179-2417>

E-mail: galina-gnk@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 12.08.2025

Дата одобрения статьи рецензентами: 21.10.2025

Дата публикации статьи: 25.12.2025

Для цитирования: Ковалева Г. Н. «Се жених грядет...»: исторические источники записей Л. Н. Толстого о Феофане Прокоповиче в материалах к <Роману из времени Петра I> // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 4. С. 374–395. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-4-374-395>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 7, no. 4, 2025, pp. 374–395. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 7, no. 4, 2025, pp. 374–395. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2025. Galina N. Kovaleva

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

“Behold, the Bridegroom Is Coming”: Historical Sources of Leo Tolstoy’s Writings on Feofan Prokopovich in the Materials for <A Novel from the Time of Peter the Great>

Abstract: This article examines Leo Tolstoy’s notes about Feofan Prokopovich, which are the part of the preparatory materials for his unfinished <Novel from the Time of Peter the Great>, and the historical sources for these notes, as established by P. S. Popov. The identified historical sources for these notes allow us to clarify the meaning of Tolstoy’s excerpts about Feofan Prokopovich from fundamental historical works, enrich and expand our understanding of the conception of Petrine’s unfinished novel, its historical basis, and the cast of characters, and elucidate the specific events from the bishop’s life and work that the writer intended to incorporate into the novel’s action. The discovered sources make it possible to speculate about the ways and means by which Tolstoy transformed real facts from Feofan Prokopovich’s life into fiction. Comparison of Tolstoy’s notes with the texts of factual sources reveals traces of the writer’s creative work with documentary materials.

Keywords: L. N. Tolstoy, <A Novel from the Time of Peter the Great>, preparatory materials, summary notes, historical sources, Feofan Prokopovich, D. N. Bantysh-Kamensky, S. M. Solovyov, P. S. Popov.

Author information: Galina N. Kovaleva, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-9179-2417>

E-mail: galina-gnk@mail.ru

Received: August 12, 2025

Approved after reviewing: October 21, 2025

Published: December 25, 2025

For citation: Kovaleva, G. N. “Behold, the Bridegroom Is Coming”: Historical Sources of Leo Tolstoy’s Writings on Feofan Prokopovich in the Materials for <A Novel from the Time of Peter the Great>.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 7, no. 4, 2025, pp. 374–395. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-4-374-395>

Записи Л. Н. Толстого о церковном и общественном деятеле, писателе, публицисте, богослове, философе, сподвижнике Петра I, Феофане Прокоповиче (в миру Елеазар Церейский <?>; в униатстве Елисей, Самуил; в 1702 г. принял постриг в православные монахи с именем Самуил; в 1705 г. сменил монашеское имя, назвавшись именем покойного дяди — Феофан¹; 1677 или 1681–1736), входящие в состав конспективных записей писателя о петровской эпохе, не были до сих пор предметом самостоятельного изучения, равно как и их печатные исторические источники. На протяжении почти девяти десятилетий, прошедших со времени их первой публикации в 17 томе Юбилейного собрания сочинений Толстого [Толстой 1928–1958. 17: 404–405], эти записи оставались незамеченными исследователями. Восполним этот пробел, обратившись к выяснению целого ряда вопросов, связанных с указанными записями. Среди них: вопрос о времени появления этих записей в конспектах Толстого или точнее, их датировке; анализ содержания и классификация записей, происхождение их фактических источников; сопоставление текстов записей Толстого о Прокоповиче с текстами их фактических источников; предположения о возможных путях и способах преобразования реальных фактов из жизни Прокоповича в факты художественные.

Интерес Толстого к реальным фактам из жизни и деятельности Феофана Прокоповича, одного из самых ярких представителей духовенства петровского времени, возник во время подготовки писателя к творческой работе над новым историческим романом, для которого он, по словам С. А. Толстой, «выбрал время Петра Великого» [Берс: 44–45]. Замысел этого романа, который печатается под условным заглавием <Роман из времени Петра I> [Толстой 2014: 157–222], возник у Толстого, по утверждению И. П. Видуэцкой, в самом начале 1872 г., но приступить к работе

---

¹ Феофан (Прокопович;? – 1689 или 1692), игумен, ректор Киево-Могилянской коллегии (1683–1684), настоятель Киево-Братского монастыря.

над ним писатель смог лишь в октябре того же года¹ [Видуэцкая: 436]. На протяжении полутора–двух месяцев — с октября по декабрь — Толстой был занят только изучением печатных исторических источников о времени правления Петра I и отбором материала для реально-исторической основы задуманного романа. Сведения о наиболее заинтересовавших его реальных событиях, лицах, фактах, явлениях петровского времени писатель фиксировал в своих конспективных записях. Со второй половины декабря 1872 или с января 1873 г., по предположению И. П. Видуэцкой [Видуэцкая: 440], этим подготовительным занятиям Толстого стала сопутствовать творческая работа над художественными началами петровского романа. В середине марта 1873 г. Толстой, как известно, прервал все виды работ над историческим романом из петровского времени, чтобы обратиться к сочинению романа «Анна Каренина»², романа из современной писателю жизни. Хотя первое обращение³ Толстого к петровской теме продолжалось всего четыре с половиной – пять месяцев, исследователи сходятся во мнении, что именно этот короткий период, который «пришелся на конец 1872–начало 1873 г.» [Гулин 2020: 216], был «временем наиболее интенсивной работы Толстого над романом из эпохи Петра I» [Видуэцкая: 435]. Именно в указанный период Толстой сделал большинство сохранившихся выписок из исторических сочинений, которые и составили рукописный фонд подготовительных материалов к петровскому роману⁴.

---

¹ Столь продолжительный интервал между временем возникновения замысла петровского романа и началом работы над ним объясняется тем, что до октября 1872 г. Толстой был занят завершением работы над «Азбукой».

² Замысел романа «Анна Каренина», по свидетельству самого Толстого в неотправленном письме к Н. Н. Страхову от 25 марта 1873 г. – возник у него под влиянием чтения незавершенной повести А. С. Пушкина «Гости съезжались на дачу» [Толстой 1928–1958. 62: 16].

³ Второе обращение к работе над петровским романом И. П. Видуэцкая датирует концом лета – началом осени 1879 г. [Видуэцкая: 447–448]. В это время, посетив несколько раз Московский архив Министерства юстиции для изучения секретных дел Преображенского приказа, и, написав, возможно, в два приема, 4 художественных «начала» [Толстой 2014: 157–161; 219–222], Толстой вновь оставил работу над петровским романом.

⁴ Рукописный фонд выписок Толстого из исторических сочинений на 79 листах разного размера составляют две группы материалов: 1) 19 от-

Авторские даты в рукописях подготовительных материалов отсутствуют, поэтому определить время появления в них записей о Ф. Прокоповиче можно только предположительно. Освещая в одной из своих статей этапы подготовительной работы Толстого, мы высказали предположение, имеющее прямое отношение к датировке записей о Ф. Прокоповиче: «в течение ноября 1872 года Толстой отбирал и выписывал материалы для фактической основы своего романа из двух источников: тт. 13–18 «Истории России с древнейших времен» Соловьева <...>; чч. 1–3 «Словаря достопамятных людей» Бантыш-Каменского <...> [Ковалева 2020: 26]. Между тем, интересующие нас записи о Ф. Прокоповиче, как выяснил П. С. Попов, были сделаны на основании двух печатных исторических источников. Одним из них была 3-я часть дополнительного издания «Словаря достопамятных людей русской земли» Д. Н. Бантыш-Каменского (СПб., 1847). Другим — 16-й том первого издания «Истории с древнейших времен» С. М. Соловьева (М., 1866). В этой связи логично предположить, что записи о Прокоповиче появились в рукописях подготовительных материалов в ноябре 1872 г.

Все интересующие нас записи были сделаны Толстым чернилами черного и рыжеватого цветов на оборотной стороне листа большого формата, который в «Описании рукописей художественных произведений Л. Н. Толстого» значится как «Лист 5»¹ [Описание рукописей: 244].

Приведем текст этих записей:

1. «Феофан Прокопович. В Риме воспитан. Математик. Два европейских <языка>, греческий, латинский, еврейский»² [Толстой 1928–1958. 17: 404].

2. *Шью рясу, а у меня шапка готова* [Толстой 1928–1958. 17: 404].

3. Стефан Яворский привел Петра. Он с бочком [нрзб]. «Се же них грядет». — Петр остался» [Толстой 1928–1958. 17: 405].

дельных листов большого и тетрадного формата в общей обложке с заголовком рукой Толстого: «Бумаги Петра»; 2) 59 листов различного формата с заголовками: «Города. Москва», «Кремль», «Общий вид города», «Духовенство», «Монастырские имения», «Петр, приближенные» и другими [Описание рукописей: 243, 246].

¹ Этот лист вложен в общую обложку с надписью рукой Толстого «Бумаги Петра» [Описание рукописей: 244].

² В Риме воспитан ~ еврейский. *вписано*

4. «Главо, главо! Разума упившись, куда ее приклонишь?» [Толстой 1928–1958. 17: 405].

Первая научная публикация приведенных записей была подготовлена П. С. Поповым для 17 тома Юбилейного собрания сочинений Толстого и увидела свет в составе всего свода выписок из исторических сочинений под условным заглавием «Материалы к роману из времен Петра I» [Толстой 1928–1958. 17: 386–444]. Ссылки на фактические источники записей о Прокоповиче в рукописи отсутствовали. В процессе подготовки этих записей к публикации в указанном издании П. С. Попов сумел установить, что записи о Ф. Прокоповиче были сделаны писателем, как мы уже отмечали выше, на основании двух фундаментальных исторических трудов. Напомним, что одним из этих трудов была 3-я часть дополнительного издания «Словаря достопамятных людей русской земли» Д. Н. Бантыш-Каменского (СПб., 1847). Другим — 16-й том первого издания «Истории с древнейших времен» С. М. Соловьева (М., 1866). Источник одной записи, сообщающей о том, какими иностранными языками владел Ф. Прокопович, П. С. Попову обнаружить не удалось. Не удалось его определить и автору настоящей статьи.

Анализ содержания всех приведенных выше записей Толстого о Феофане Прокоповиче, ставший возможным только благодаря их выявленным историческим источникам, показал, что по своему содержанию они отчетливо делятся на четыре тематические группы. **Первую группу** составляют 4 лаконичные записи: о монашеском имени и фамилии архиерея; о Риме как месте, где был «воспитан» Феофан; о знании Феофаном нескольких европейских языков; о том, что Феофан был математиком. **Вторую группу** образует всего одна запись. Толстой зафиксировал в ней реплики, которыми обменялись Феофан Прокопович и Петр I по поводу регламента Духовной коллегии, составление которого было поручено архиерею. **В третью группу** также вошла одна запись, которая содержит сведения о реальном событии, действующими лицами которого были: царь Петр I, президент Святейшего Синода Стефан Яворский, второй вице-президент Святейшего Синода, Феофан Прокопович. **Четвертую группу** образует запись, являющаяся цитатой предсмертных слов Феофана Прокоповича. Толстой заключил эту запись в кавычки. Записи, входящие в *первую, третью и четвертую* тематические группы были сделаны Толстым на основании

сведений, которые восходят к 3-ей части «Словаря достопамятных людей русской земли» Д. Н. Бантыш-Каменского (СПб., 1847). Запись из *второй* тематической группы была сделана на основании сведений, заимствованных Толстым из 16-го тома первого издания «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева (М., 1866).

Обратимся к рассмотрению записей, а также их фактических источников из первой выделенной нами группы.

Запись — «Феофан Прокопович. В Риме воспитан. Математик» — сделана на основании сведений, содержащихся в словарной статье «Феофан Прокопович, Архиепископ Новгородский», помещенной в 3-ей части «Словаря достопамятных людей русской земли» Д. Н. Бантыш-Каменского (СПб., 1847). По своему содержанию эта запись делится на три части. Первая часть, состоящая всего из двух слов, содержит указание как на монашеское имя архиерея — Феофан — принятое им в честь покойного дяди в 1705 г., так и на принятую им фамилию своего дяди: Прокопович. Слова — «Феофан Прокопович» — подчеркнуты прямой чертой. Вторая часть записи связывает Феофана с Римом, где он был «воспитан». Третья часть — аттестует архиерея как математика. Предварим знакомство с текстом источника первой части рассматриваемой записи некоторыми пояснениями. Учебе Прокоповича в римской академии предшествовал ряд ключевых событий его жизни, о которых рассказывается в тексте указанной выше словарной статьи. Среди них: окончание Киево-Могилянской коллегии¹, принятие унии с именем Елисей, преподавание риторики и пиитики (поэтики) во Владимир-Волыньском униатском коллегиуме [Бантыш-Каменский: 604–605]. Именно во время учительства Ф. Прокоповича в этом коллегиуме его выдающиеся ораторские способности заметил митрополит Киевский и Галицкий и всяя Руси Русской униатской церкви в Речи Посполитой Лев Заленский (Любич-Заленский, 1648–1708), отправивший молодого преподавателя за счет епархии на учебу в Рим, в иезуитскую греческую Коллегию св. Афанасия. В тексте фактического источни-

---

¹ Киево-Могилянская коллегия — высшее духовное учебное заведение, открыто в 1632 г. по инициативе Киевского митрополита Петра Могилы (1596–1647). Коллегия была организована в результате слияния двух школ: Киево-Братской школы и школы Киево-Печерской лавры. Права и титул академии Коллегия получила в 1701 г. по указу Петра I и стала называться Киево-Могилянской академией.

ка интересующей нас записи епископ Лев (Заленский) именуется как «Провинциал Базилианского Ордена». Базилианский орден, или Орден Святого Василия Великого — официальное название униатского монашеского ордена византийского обряда, следующего общежительному уставу Василия Великого. Вот текст источника: «...Провинциал Базилианского Ордена, усматривая необыкновенные способности в молодом преподавателе, отправил его в Римскую Академию. Там продолжал он учение три года¹, но, не кончив курса наук², возвратился через Венецию и Австрию в Польшу...» [Бантыш-Каменский: 605].

Сопоставление записи Толстого с текстом ее фактического источника показало, что Толстой не стал переносить в свою запись следующие подробности, сообщенные историком о Феофане. Например, о том, кто, усмотрев «необыкновенные способности в молодом преподавателе, отправил его в Римскую Академию», сколько лет продолжалось «учение» Феофана в Риме, и каким образом, он, «не кончив курса наук, возвратился через Венецию и Австрию в Польшу...». Опустив указанные подробности, Толстой сумел изложить информацию об обучении Феофана в римской академии в короткой фразе: «В Риме воспитан». Воспроизвел ли бы писатель эти подробности на страницах петровского романа, если бы он был написан? Ответа на этот вопрос у нас нет.

Неизвестно и то, каким образом намеревался Толстой описать учебу будущего архиепископа Феофана Прокоповича в римской академии, так как намерение изобразить этот факт из жизни архиерея в петровском романе, не было реализовано писателем. Возможно, данный факт мог стать предметом диалога Ф. Прокоповича с Киевским митрополитом Варлаамом Ясинским (1627–1707), пригласившим его в 1704 г. «учителем стихотворства» в Киево-Могилянскую академию. Сведения об этом событии Толстой мог почерпнуть из упомянутой выше словар-

---

¹ По сведениям Т. Е. Автухович, Феофан учился в Римской иезуитской греческой академии св. Афанасия с ноября 1698 по октябрь 1701 г. под именем Самуила Церейского [Автухович: 488]. Согласно разысканиям исследовательницы, «по данным регистров, Прокопович окончил курс блестящим публичным выступлением» [Автухович: 488].

² Это событие, по утверждению Т. Е. Автухович, произошло 28 октября 1701 г., когда «без единой на то причины, с большим скандалом» (по записи регистров) Прокопович покинул коллегия, не прослушав и здесь курс теологии» [Автухович: 488].

ной статьи Бантыш-Каменского «Феофан Прокопович, Архиепископ Новгородский». Ср.: «...быв приглашен в Киев Митрополитом Варлаамом Ясинским, который определил его (1704 г.) в Академию учителем стихотворства» [Бантыш-Каменский: 605]. Позднее, в 1706 г. Прокопович стал преподавать в этой академии и риторiku. Нельзя исключить предположение, что годы учебы Феофана Прокоповича в Риме могли быть запечатлены на страницах петровского романа в восприятии самого архиепископа, например, в его воспоминаниях.

Фактическим источником записи — «Математик» — стали сведения об успешной педагогической деятельности Ф. Прокоповича в Киево-Могилянской академии, где, наряду с философией, он преподавал и точные науки. Приведем текст источника: «Возведенный (1707 г.) в звание Префекта Академии и учителя философии, он заменял собою нескольких преподавателей: обучал физике, арифметике и геометрии, чему прежде не учили в Академии¹» [Бантыш-Каменский: 606].

Какую трансформацию претерпел бы этот реальный факт, если бы петровский роман был написан? Были ли упомянуты на его страницах те должности, которые занимал в Киево-Могилянской академии Прокопович — «Префект Академии, учитель философии» — и которые Толстой в своей записи не упомянул? Ответ на этот вопрос нам неизвестен. Возможно, Феофан предстал бы на страницах петровского романа, если бы он был написан, в роли учителя-универсала, обучающего слушателей Киево-Могилянской академии философии и физике, арифметике и геометрии. Не менее вероятно и другое предположение. Введение в программу обучения слушателей академии новых учебных предметов могли, по-видимому, обсуждать на страницах романа, если бы он был завершен, коллеги Феофана по академии или его ученики. Какую художественную форму избрал бы Толстой для введения этого

---

¹ Факт одновременного преподавания Прокоповичем гуманитарных и точных наук был позднее отмечен и Н. К. Гудзием. Ср.: «В 1708 г. Прокопович стал преподавать философию и одновременно физику, арифметику и геометрию — науки, до сих пор отсутствовавшие в академической программе» [Гудзий: 158]. Современный исследователь В. Е. Федотов также выделяет заслуги Прокоповича в преподавании математики: «...зложил основы преподавания в Академии (и всей тогдашней Российской империи) высшей математики» [Федотов: 27].

реального факта в сюжетное действие романа: художественную сцену, картину, или эпизод, неизвестно.

Обратимся к рассмотрению записи из второй тематической группы: «Шью рясу, а у меня шапка готова». Источник этой записи, установленный П. С. Поповым, как мы указывали выше, восходит к первому изданию 16-го тома «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, где историк рассказывает о том, как «царь уже объявил, что “для лучшего управления мнится быть удобно Духовной Коллегии”» [Соловьев 16: 361]. По словам историка, местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский «не разделял этого мнения царского; Феофан разделял его и потому он должен был принять на себя составление регламента для новой коллегии» [Соловьев 16: 361]. Опираясь на воспоминания современников царя и епископа, историк привел «следующий разговор Петра с Феофаном», ставший фактической основой рассматриваемой записи. Вот текст источника: «Петр: “Скоро ль наш патриарх поспеет (регламент?)” — Феофан: “Скоро, я дошиваю ему рясу”. — Петр: “А у меня шапка для него готова”» [Соловьев 16: 361]. Сопоставив рассматриваемую запись Толстого с текстом ее фактической основы, мы пришли к выводу, что писатель в своей записи воспроизвел реплики участников этого диалога, не обозначив их имена, и произведя в самом диалоге некоторые сокращения. Так, например, Толстой не стал переносить в свою запись первую реплику царя: «Скоро ль наш патриарх поспеет (регламент?)». Из ответной реплики Феофана в изложении Соловьева — «Скоро, я дошиваю ему рясу» — Толстой исключил слово «скоро», а слово «дошиваю» заменил словом «шью». В записи Толстого реплика Феофана стала выглядеть так: «Шью рясу». Из реплики царя в изложении Соловьева — «А у меня шапка для него готова» — Толстой исключил слова «для него», поэтому реплика Петра в записи Толстого выглядит так: «А у меня шапка готова».

Каким бы изменениям подвергся разговор царя Петра с Феофаном в процессе вовлечения его в сюжетное действие петровского романа? Возможно, с его помощью Толстой выстроил бы блистательную художественную сцену, в которой царь и епископ Псковский Феофан предстали бы единомышленниками, соратниками в деле «исправления чина духовного» [Соловьев 16: 361]. Вполне вероятно, что в процессе вовлечения этой сцены в художественную ткань петровского романа Толстой не ограничился бы только репликами царя и епископа, зафик-

сированными им в рассматриваемой нами записи. Беседа двух соратников могла быть дополнена писателем еще целым рядом конкретных сведений и фактов по поводу регламента, приведенных Соловьевым в 16 томе «Истории России с древнейших времен», которые могли быть преобразованы в факты художественные. Например, в беседе царя с Феофаном Прокоповичем могли быть затронуты следующие вопросы: об исправлениях текста регламента, предложенных царем, о примерной дате издания регламента, о том, кто возглавит Духовную коллегию и войдет в ее состав. Фактической основой предполагаемых нами бесед царя с Феофаном могли бы стать следующие реальные факты, приведенные Соловьевым: «В январе 1721 года издан регламент Духовной коллегии, исправленный и дополненный царем...» [Соловьев 16: 361]; «президентом Духовной коллегии, или Синода был назначен Стефан, митрополит рязанский; за ним по старшинству следовали члены: Феодосий (Яновский) — архиепископ Новгородский, Феофан — архиепископ Псковский¹...» [Соловьев 16: 363].

Допустимо и еще одно предположение. Предметом беседы царя с архиепископом Псковским могли бы быть и некоторые другие подробности, связанные, например, с первой частью регламента, сведения, основные положения которых Толстой мог также почерпнуть из указанного тома труда Соловьева. Поскольку в первой части регламента говорилось о причинах учреждения Духовной коллегии, объяснялась необходимость отмены патриаршества, есть основание предполагать, что именно эти две темы стали бы содержанием возможных бесед царя с Феофаном в петровском романе, если бы замысел его был осуществлен.

Какие же доводы и аргументы приводили бы в своих речах собеседники, объясняя необходимость учреждения Духовной коллегии и отмены патриаршества? Возможно, в беседе царя с Феофаном сначала были бы высказаны аргументы, подчеркивающие преимущество коллегиального управления церковными делами перед правлением единоличным, так как оба собеседника были убеждены в этом. Фактической основой для воссоздания подобного диалога в петровском романе могли послужить приведенные Соловьевым в своем труде «причины

---

¹ В сан архиепископа Псковского Феофан Прокопович был возведен 31 декабря 1720 г.

учреждения коллегии», сведения о которых историк позаимствовал из первой части регламента и изложил их в своем труде в шести пунктах. Познакомимся сначала с содержанием пяти пунктов, объясняющих, чем коллегиальное управление церковными делами предпочтительнее единоличного патриаршего правления, а затем — в виду его ключевой роли — обратимся к рассмотрению пункта шестого, где речь идет о недостатках патриаршего правления. Приведем текст первых пяти пунктов: «1) коллегиальное управление способнее для исследования истины, чем единоличное; 2) приговор соборный имеет более силы, чем приговор одного лица; 3) дела скорее решаются; 4) нет места пристрастию, коварству, лихоимному суду; 5) коллегиум свободнейший дух в себе имеет к правосудию...» [Соловьев 16: 361–362]. Попробуем предположить, какие пути и способы преобразования высказанных в этих пяти пунктах аргументов в пользу коллегиального управления духовными делами избрал бы Толстой для того, чтобы трансформировать их в художественные факты. Возможно, воссоздавая диалог между Петром и Феофаном о преимуществах коллегиального управления духовными делами, писатель распределил бы приведенные выше аргументы между собеседниками так, чтобы реплика одного из говорящих дополняла высказывания другого. Какие бы реплики при этом были вложены в уста царя, а какие — архиерея, неизвестно. Возможно, диалог с царем начинал бы Феофан как автор регламента, царь же дополнял и поддерживал бы выдвигаемые архиереем аргументы в поддержку коллегиального управления.

Нельзя исключить и другое предположение. В романе, если бы он был написан, инициатором разговора с Феофаном о преимуществах коллегиального управления духовными делами выступил бы царь. Рагуя за приоритет царской власти над властью патриарха, даже в церковных делах, Петр исходил как из опыта своего отца, царя Алексея Михайловича¹, так и из опыта своих личных, весьма сложных отношений с патриархом Адрианом и местоблюстителем патриаршего престола Стефаном Яворским. К тому же, по мнению Н. К. Гудзия, «це-

---

¹ О намерении Толстого воссоздать в петровском романе драматические подробности отречения Никона от патриаршего престола, о реакции царя Алексея Михайловича на это событие, которое произошло 10 июля 1658 г. см.: [Ковалева 2024: 207–210].

лесообразность коллегиального управления русской церковью взамен единоличного патриаршего управления подсказана была Петру практикой протестантской церкви, его стремлением уничтожить в русской церкви «папешский дух», привитый ей патриаршим институтом» [Гудзий: 162]¹.

Попробуем представить, как мог бы развиваться диалог между царем и архиереем при обсуждении вопроса о недостатках единоличного патриаршего правления. Фактической основой для возможных реплик царя и Феофана в этом случае, вероятно, стали бы приведенные Соловьевым в своем труде под пунктом «б» рассуждения, заимствованные им из регламента, касающиеся особенностей восприятия «простым народом» власти «самодержавной» и власти «духовной». Утверждая, что «простой народ не ведает, как различается власть духовная от самодержавной» [Соловьев 16: 362], авторы регламента полагали, что в силу этого неведения в сознании «простого народа» происходит некоторая подмена понятий. Она заключается в том, что патриарх воспринимается в сознании народном как «второй государь самодержцу равносильный, или еще и больше его, и что духовный чин есть другое и лучшее государство...» [Соловьев 16: 362]. По этой причине, говорилось в регламенте, «простые сердца так мнением этим развращаются, что не столько смотрят на самодержца своего, сколько на верховного пастыря, и когда услышат между ними распрю, то все более духовному, чем мирскому правителю сочувствуют...» [Соловьев 16: 362]. Этому, сложившемуся «в народе мнению» относительно «верховного пастыря», по словам авторов регламента, «очень рады бывают коварные люди, враждующие на своего государя...» [Соловьев 16: 362]. В чем же заключается радость этих «коварных людей? Из объяснений авторов регламента следует, что «увидав ссору государя с пастырем, они пользуются этим случаем, чтоб под видом церковной ревности поднять руки на помазанника Божия, и на такое же беззаконие, как на дело Божие, подвигают простой народ» [Соловьев 16: 362]. Приведенным рассуждениям в тексте регламента

---

¹ О реформе русской церкви, осуществленной в 1721 г. «по инициативе царя и под руководством его ближайшего единомышленника» Феофана Прокоповича см. также работы О. А. Крашенинниковой: [Крашенинникова 2015; Крашенинникова 2016; Крашенинникова 2017].

предшествовал еще один аргумент, подчеркивающий преимущество коллегиального управления «духовными делами» над «единым правителем духовным». Этот аргумент сыграл, возможно, одну из ключевых ролей в упразднении патриаршества. Вот его текст: «От соборного правления нельзя опасаться отечеству мятежей и смущения, какие происходят от единого правителя духовного...» [Соловьев 16: 362]. Появлению этого аргумента в тексте регламента, несомненно, способствовали «мятежи и смущения» стрельцов в мае 1682 г. и в июне 1698 г.

Какое отражение нашли бы приведенные авторами регламента обоснования отмены патриаршества на страницах петровского романа, если бы он был написан? Какие из них были бы высказаны царем, а какие — Прокоповичем? Не имея возможности ответить на эти вопросы, отметим: найденный П. С. Поповым источник записи Толстого, в которой Петр I интересуется у Феофана Прокоповича готовностью регламента, позволил нам высказать ряд предположений о том, как мог бы развиваться этот диалог в романе, если бы он был завершен. В своих предположениях мы опирались на фактические сведения о регламенте Духовной коллегии, изложенные в 16 томе «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева.

Перейдем к рассмотрению записи из третьей тематической группы. Напомним ее текст: «Стефан Яворский привел Петра. Он с б<окалом> [нрзб]. “Се жених грядет”.— Петр остался» [Толстой 1928–1958. 17: 405]. Как мы указывали выше, фактическая основа этой записи восходит к 3-й части дополнительного издания «Словаря достопамятных людей русской земли» Д. Н. Бантыш-Каменского (СПб., 1847), точнее, к размещенной здесь статье «Феофан Прокопович, Архиепископ Новгородский». Предварим знакомство с сообщаемыми в фактическом источнике сведениями необходимым пояснением. Дело в том, что Бантыш-Каменский, рассказывая об отношении Петра I к Феофану Прокоповичу, отметил, что «доверенность, оказываемая Государем Феофану, и достоинство последнего возбудили против него зависть» [Бантыш-Каменский: 607]. Зависть к Ф. Прокоповичу испытывал, по утверждению Бантыш-Каменского, не кто иной, как местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский. По словам историка, С. Яворский, «до Феофана один из лучших проповедников в России, чувствовал превосходство последнего, и страшась, чтобы он совершенно не затмил его» [Бантыш-Каменский:

607–608], в 1718 г. написал на него «Обличение в 18 статьях¹; <...> оно не было уважено Государем² и только послужило поводом к непримиримой вражде обоих иерархов» [Бантыш-Каменский: 608].

Намереваясь запечатлеть на страницах будущего петровского романа непростые взаимоотношения этих двух иерархов, Толстой выбрал и зафиксировал в своей записи эпизод, связанный с попыткой Стефана Яворского изобличить Феофана Прокоповича в «гульбе и пьянстве». Эта попытка была предпринята в то время, когда Стефан Яворский был в звании президента Святейшего Синода³, а Феофан Прокопович — в звании второго вице-президента Святейшего Синода. Известив царя о том, что Феофан «живет соблазнительно, проводит время с *иноверцами* в гульбе и пьянстве» [Бантыш-Каменский: 608], Стефан Яворский, по словам историка, «вызвался доказать это на самом деле» [Бантыш-Каменский: 608]. О дальнейшем развитии событий в тексте источника сказано: «Государь изъявил согласие: однажды, в полночь, когда иностранные министры ужинали у Феофана, отправился к нему с доносителем; вошел неожиданно в столовую в то самое время, как гремела музыка, и хозяин, державший в руке кубок вина, готовился пить. Феофан не оробел: дал знать, чтобы музыканты умолкли, приподнял бокал, произнес громогласно: *“Се жених грядет в полунощи, и блажен раб, егоже обрящет бдяща, недостоин же <наки>, егоже обрящет унывающая!”*⁴ Здравствуй, Всемилостивейший государь!” — и потом выпил вино. Немедленно поднесены такие же бокалы всем присутствовавшим: они

---

¹ «Обличение в 18 статьях», которое упоминает Д. Н. Бантыш-Каменский, содержало обвинения Прокоповича в протестантизме, несогласии с православной церковью, и т. д. Оно призвано было, по мысли его инициаторов, Феофилакта Лопатинского, Гедона Вишневецкого, Стефана Яворского, помешать посвящению Феофана в епископы Псковские.

² 1 июня 1718 г. Ф. Прокопович по указу Петра I был наречен епископом Псковским и Нарвским. 2 июня 1718 г. Ф. Прокопович, по сведениям Д. Н. Бантыш-Каменского, «в присутствии Петра Великого, хиротонисан, с облачением в саккос...» [Бантыш-Каменский: 607].

³ Торжественно открытая 14 февраля 1721 г. Духовная коллегия была почти сразу переименована в Святейший Правительствующий Синод.

⁴ «*Се жених грядет~ обрящет унывающая!*» — начальная строчка тропаря (песнопения), который исполняется на утрени после шестопсалмия в первые три дня Страстной седмицы. Жених здесь: одно из образных имен Господа Иисуса Христа как главы Церкви.

провозгласили тост за *здравие* царя. Феофан осмелился предложить и Петру Великому кубок: государь принял его из рук хозяина, благодарил гостей при звуке труб; после, оборотясь к Митрополиту, произнес: «Ваше Преосвященство, можете остаться здесь, ежели хотите, а буде не изволите, то имеете волю ехать домой, а я останусь в столь приятной беседе»» [Бантыш-Каменский: 608–609].

Столь яркий, колоритный исторический эпизод не мог не привлечь внимание Толстого. Намереваясь преобразовать его в факт художественный и ввести в сюжетное действие петровского романа, Толстой выделил ключевые моменты в действиях каждого из трех участников эпизода и зафиксировал их в рассматриваемой записи. Имя Прокоповича в этой записи не упоминается, описана только его поза («Он с бокалом») и дана в кавычках начальная фраза «громогласно» произнесенного им тропаря («Се жених грядет...»). Имена двух других участников эпизода — Стефана Яворского и царя Петра — названы. Описаны и их действия: «Стефан Яворский привел Петра»; «Петр остался». Обнаружение фактического источника данной записи не только прояснило ее смысл, помогло выявить имена всех участников эпизода, но и дало основание для следующего предположения. Думается, трансформировав этот реальный исторический эпизод в художественную сцену будущего петровского романа, писатель воссоздал бы не только подробности взаимоотношений двух иерархов, стоящих во главе Святейшего Синода, и отношение Петра к каждому из них, но и выразительно обрисовал бы душевное состояние всех трех участников данного эпизода в момент их ночной встречи. Таким образом, реальный исторический факт, будучи преобразованным в факт художественный, стал бы средством психологической характеристики, как царя Петра, так и двух иерархов, Стефана Яворского и Феофана Прокоповича. При изображении далекой исторической эпохи и ее деятелей, для Толстого, как справедливо заметил А. В. Гулин, было вполне естественным попытаться на первых порах найти именно психологическое решение образов и картин, связанных с петровской эпохой» [Гулин 2021: 220]. Какое «психологическое решение» нашел бы Толстой при введении рассматриваемого эпизода в художественную ткань петровского романа, если бы он был написан? Полагаю, что психологический портрет Феофана в этом случае был бы обрисован Толстым особенно тщательно. Прежде всего, писатель, вероятно, отметил бы способность Феофана мгновенно сорие-

тироваться в сложной, малоприятной для него ситуации, неожиданно возникшей в полночь вместе с приходом царя и Стефана Яворского, но не растеряться, не впасть в паническое состояние, а найти единственно правильный выход из нее. Выбор в качестве приветствия для царя молитвенного песнопения «Се жених грядет...», вероятно, был бы объяснен писателем не только умением Феофана разбираться в человеческой психологии, но и свойственным ему даром предвидеть результат предпринятых им действий для разрешения экстремальной ситуации. «Громогласно» произнесенная Феофаном начальная фраза из тропаря, выпитый им кубок вина во здравие царя, предложенный Феофаном кубок вина царю — все эти действия архиерея позволили ему выиграть негласный ночной поединок со Стефаном Яворским и остаться в обществе царя «в столь приятной беседе».

Обратимся к рассмотрению записи из четвертой тематической группы. Напомним ее текст: «Главо, главо! Разума упившись, куда ея приклонишь?» [Толстой 1928–1958. 17: 495]. Сопоставление текста этой записи Толстого с текстом ее фактического источника, найденного П. С. Поповым, позволило нам сделать два вывода. Первый вывод: запись Толстого является не совсем точной цитатой предсмертных слов Феофана Прокоповича, так как при переписывании цитаты писатель пропустил частицу «о», стоящую в источнике перед обращением «О главо, главо!» Приведем текст фактического источника: «Сохранилось предание, что в последние минуты жизни, он приставил ко лбу указательный палец, и произнес: “*О главо, главо! Разума упившись, куда ея приклонишь?*”» [Бантыш-Каменский: 624].

Второй вывод, к которому мы пришли, заключается в том, что при конспектировании источника Толстой отказался переносить в свою запись фразу, которая предшествует цитате предсмертных слов Феофана: «Сохранилось предание, что в последние минуты жизни, он приставил ко лбу указательный палец, и произнес...». Не включив эти сведения в свою запись, Толстой в петровском романе, если бы он был завершен, возможно, упомянул бы о существовании предания о жесте, которым Феофан сопровождал свои предсмертные слова. Как бы мог Толстой обрисовать последние минуты жизни Феофана в петровском романе, если бы он был написан: в виде художественного эпизода или сцены? Возможно, предсмертные слова Феофана Прокоповича мог бы вспоминать и цитировать на страницах романа кто-либо из его действующих

лиц. Ответы на эти вопросы нам не суждено получить, так как намерение Толстого вывести Феофана Прокоповича в качестве одного из действующих лиц петровского романа, как мы не раз указывали выше, не было реализовано. Между тем, дата кончины Феофана Прокоповича — 1736 год — дает основание предполагать, что время действия петровского романа Толстой не собирался ограничивать годами жизни Петра Великого, скончавшегося в 1725 г. Вероятно, писатель хотел запечатлеть на его страницах события из жизни Феофана Прокоповича, как те, которые случились при жизни царя-реформатора, так и те, которые последовали после его кончины.

Подводя итоги, отметим, что все рассмотренные в статье записи Л. Н. Толстого о Феофане Прокоповиче были сделаны на основании двух достоверных исторических источников: 3-й части дополнительного издания «Словаря достопамятных людей русской земли» Д. Н. Бантыш-Каменского (СПб., 1847) и 16-го тома «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева (М., 1866). Обнаружение этих источников П. С. Поповым позволяет решить сразу несколько задач, значимых для творческой истории незавершенного исторического романа Толстого из петровского времени. Одной из них является задача, связанная с раскрытием и уяснением смысла предельно кратких записей Толстого, так как без обращения к текстам фактических источников этих записей смысл их зачастую понять невозможно. Уяснение смысла конспективных записей Толстого о Ф. Прокоповиче помогло решению другой, не менее важной задачи. В чем она заключалась? Прежде всего, в выявлении того, какие реальные факты и достоверные события из жизни Феофана Прокоповича привлекли внимание Толстого и как он, зафиксировав их в своих записях, намеревался в дальнейшем трансформировать в факты художественные, ввести в сюжетное действие петровского романа. Решение двух указанных выше задач способствует расширению и углублению знаний о замысле незавершенного петровского романа, его документальной основе, круге действующих лиц, в который должен был войти и такой видный представитель духовенства петровского времени, как Феофан Прокопович. Благодаря установленным П. С. Поповым историческим источникам записей Толстого о Феофане Прокоповиче появилась возможность высказать предположения о возможных путях и способах трансформации отобранных писателем реальных фактов из жизни архиерея в факты худо-

жественные. Сопоставление текстов записей Толстого о Прокоповиче с текстами их фактических источников выявило ряд расхождений между ними. Эти расхождения позволяют, с одной стороны, проследить за методами и приемами работы Толстого с документальными источниками, с другой — открывают новые возможности для изучения творческой лаборатории писателя. Реальные эпизоды из жизни Прокоповича, зафиксированные Толстым в кратких конспективных записях, по-своему подтверждают одну из сформулированных писателем задач искусства. «Дело искусства, — утверждал Толстой, — отыскивать фокусы и выставлять их в очевидность. Фокусы эти, по старому разделению, характеры людей, но фокусы эти могут быть характеры сцен, народов, природы...» [Толстой 1928–1958. 47: 213]. Фокусы, которые отыскал и намеревался «выставлять в очевидность» Толстой, чтобы обрисовать и раскрыть внутренний мир Феофана Прокоповича, свидетельствуют о том, что писатель намеревался воссоздать в петровском романе подлинные события из разных периодов жизни архиерея. Поэтому одним из фокусов психологической характеристики Феофана в петровском романе стал бы период его обучения в Риме в иезуитской греческой коллегии св. Афанасия, где, по-видимому, и были заложены основы его поистине энциклопедических знаний. Другим — педагогическая деятельность в Киево-Могилянской академии, где Феофан проявил себя как учитель-универсал, преподававший гуманитарные и точные науки. Третьим фокусом стало бы сотрудничество с царем Петром в деле составления регламента для Духовной коллегии. Четвертый фокус был выбран Толстым для освещения неприязненных отношений Феофана со Стефаном Яворским. Пятый фокус должен был выставить «в очевидность» последние минуты жизни Феофана, его предсмертные слова. Если бы исторический роман Толстого из времени Петра Великого был бы написан, думается, художественный образ Феофана Прокоповича, созданный Толстым с помощью отысканных им для своего писательского объектива фокусов, был бы одним из самых ярких, колоритных, запоминающихся художественных образов сподвижников царя-реформатора.

Список литературы

Источники

Автухович Т. Е. Прокопович // *Словарь русских писателей XVIII века.* СПб.: Наука, 1999. Вып. 2: К– П / отв. ред. А. М. Панченко. С. 486–496.

Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей русской земли. СПб.: Печ. в тип. Карла Края, 1847. Ч. 3. 627 с.

Берс С. А. Воспоминания о графе Л. Н. Толстом (В октябре и ноябре 1891 г.). Смоленск: Типо-литография Ф. Б. Зельдович, 1894. 81 с.

Описание рукописей художественных произведений Л. Н. Толстого / под общ. ред. В. А. Жданова. М.: АН СССР, 1955. 634 с.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен: в 29 т. М.: Унив. тип., 1866. Т. 16. 408 с.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1928–1958.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 100 т. М.: Наука, 2014. Т. 9: Художественные произведения. 776 с.

Исследования

Видуэцкая И. П. <Роман из времени Петра I> // *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 100 т. М.: Наука, 2014. Т. 9. С. 429–461; 471–481.

Гудзий Н. К. Феофан Прокопович // *История русской литературы в 10 т.* М.: Наука, 1941. Т. 3: Литература XVIII века. Ч. 1. С. 157–175.

Гулин А. В. Роман из времени Петра I в духовном и творческом движении Л. Н. Толстого // *Л. Н. Толстой: нравственный поиск и творческая лаборатория / отв. ред. А. В. Гулин.* М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 209–232.

Ковалева Г. Н. «Левочка все читает из времен Петра Великого исторические книги и очень интересуется» (неизвестные источники конспективных записей Л.Н.Толстого из времен Петра Великого) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2020. Т. 13. Вып. 10. С. 25–32.

Ковалева Г. Н. «...Никон встал и опять пошел пешком через Красную площадь на Ильинку»: исторические источники записей Л. Н. Толстого о Патриархе Никоне в материалах к <Роману из времени Петра I> // *Два века русской классики.* 2024. Т. 6, № 4. С. 202–217. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-4-202-217>

Крашенинникова О. А. Синодальные реформы петровского времени и кризис традиционных представлений о святости. Ч. 1. // *Культурное наследие России.* 2015. № 4 (11). Октябрь – Декабрь. С. 49–55.

Крашенинникова О. А. Синодальные реформы петровского времени и кризис традиционных представлений о святости. Ч. 2. // *Культурное наследие России.* 2016. №1. Январь – Март. С. 50–56.

Крашенинникова О. А. «Духовный регламент» (1721) Феофана Прокоповича как полемическое сочинение // *Очерки истории русской публицистики XVIII века. / отв. ред. Н. Д. Блудилина.* М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 171–194.

Попов П. С. Романы из эпохи конца XVII – начала XIX в. // *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1936. Т. 17. С. 624–656.

Попов П. С. Примечания к материалам романа времен Петра I // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1936. Т. 17. С. 664–683.

Федотов В. Е. Киево-Могилянская академия после Петра Могилы // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2016. Т. 22, № 2. С. 25–28.

References

Viduetskaia, I. P. “<Roman iz vremeni Petra I>” [“A Novel from the Time of Peter the Great”]. Tolstoi, L. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 100 t.* [Complete Works: in 100 vols.], vol. 9. Moscow, Nauka Publ., 2014, pp. 429–461, 471–481. (In Russ.)

Gudziĭ, N. K. “Feofan Prokopovich” [“Feofan Prokopovich”]. *Istoriia russkoi literatury: v 10 t.* [History of Russian Literature: in 10 vols.], vol. 3: Literatura XVIII veka [Literature of the 18th Century], part 1. Moscow, Nauka Publ., 1941, pp. 157–175. (In Russ.)

Gulin, A. V. “Roman iz vremeni Petra I v dukhovnom i tvorcheskom dvizhenii L. N. Tolstogo” [“A Novel from the Time of Peter the Great in the Spiritual and Creative Movement of L. N. Tolstoy”]. Gulin, A. V., editor. *L. N. Tolstoi: npravstvennyi poisk i tvorcheskaia laboratoriiia* [L. N. Tolstoy: Moral Search and Creative Laboratory]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 209–232. (In Russ.)

Kovaleva, G. N. “‘Levochka vse chitaet iz vremen Petra Velikogo istoricheskie knigi i ochen’ interesuetsia’ (neizvestnye istochniki konspektivnykh zapisei L. N. Tolstogo iz vremen Petra Velikogo)” [“‘Levochka Keeps Reading History Books from the Time of Peter the Great and Is Very Interested’ (Unknown Sources of L. N. Tolstoy’s Notes from the Time of Peter the Great)”]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 13, issue 10, 2020, pp. 25–32. (In Russ.)

Kovaleva, G. N. “‘...Nikon vstal i opiat’ poshel peshkom cherez Krasnuiu ploshchad’ na Il’inku’: istoricheskie istochniki zapisei L. N. Tolstogo o Patriarkhe Nikone v materialakh k <Romanu iz vremeni Petra I>” [“‘...Nikon Got Up and Again Walked Across Red Square to Ilyinka’: Historical Sources of L. N. Tolstoy’s Notes on Patriarch Nikon in the Materials for ‘A Novel from the Time of Peter I’”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 4, 2024, pp. 202–217. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-4-202-217> (In Russ.)

Krasheninnikova, O. A. “Sinodal’nye reformy petrovskogo vremeni i krizis traditsionnykh predstavlenii o sviatosti. Ch. 1” [“Synodal Reforms of the Peter the Great Era and the Crisis of Traditional Ideas about Holiness. Part 1”]. *Kul’turnoe nasledie Rossii*, no. 4 (11), October – December, 2015, pp. 49–55. (In Russ.)

Krasheninnikova, O. A. “Sinodal’nye reformy petrovskogo vremeni i krizis traditsionnykh predstavlenii o sviatosti. Ch. 2” [“Synodal Reforms of the Peter the Great Era and the Crisis of Traditional Ideas about Holiness. Part 2”]. *Kul’turnoe nasledie Rossii*, no. 1, January – March, 2016, pp. 50–56. (In Russ.)

Krasheninnikova, O. A. “‘Dukhovnyi reglament’ (1721) Feofana Prokopovicha kak polemicheskoe sochinenie” [“‘The Spiritual Regulations’ (1721) by Feofan Prokopovich as a Polemical Work”]. *Ocherki istorii russkoi publitsistiki XVIII veka* [Essays on the History of Russian Journalism of the 18th Century]. Moscow, IWL RAS Publ., 2017, pp. 171–194. (In Russ.)

Текстология. Источниковедение

Г. Н. Ковалева. «Се жених грядет...»: исторические источники записей Л. Н. Толстого о Феофане Прокоповиче в материалах к <Роману из времени Петра I>

Popov, P. S. “Romany iz epokhi kontsa XVII – nachala XIX v.” [“Novels from the Era of the Late 17th – Early 19th Centuries”]. Tolstoi, L. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t.* [Complete Works: in 90 vols.], vol. 17. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1936, pp. 624–656. (In Russ.)

Popov, P. S. “Primechaniia k materialam romana vremen Petra I” [“Notes on the Materials of the Novel from the Time of Peter the Great”]. Tolstoi, L. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t.* [Complete Works: in 90 vols.], vol. 17. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1936, pp. 664–683. (In Russ.)

Fedotov, V. E. “Kievo-Mogilianskaia akademiia posle Petra Mogily” [“Kiev-Mohyla Academy after Peter Mogila”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*, vol. 22, no. 2, 2016, pp. 25–28. (In Russ.)